

Илья Зданевичъ какъ бы отклоняетъ отъ себя обязанности углубленія въ религиозный смыслъ дѣйствія, поэтому можетъ быть въ романѣ «Восхищеніе» много лишняго, хотя всегда это «лишнее» интересно. Однако, основное достоинство этой книги, рѣзко отдѣляющее ее отъ почти всѣхъ произведеній молодой эмиграціи, это совершенно особый міръ, въ который съ первыхъ строкъ романа попадаетъ читатель. Міръ, ограниченный прекрасными горными и морскими пейзажами, населенными какими то невѣдомыми и фантастическими «горнами», кретинами, зобатыми, разбойниками, монахами и женщинами, находящимися въ перманентномъ состояніи религиознаго экстаза.

Внизу у подножія горъ разстилается сказочная столица невѣдомаго государства съ мостовыми, мощенными фарфоромъ, колясками, социалистами и загадочнымъ населеніемъ. Тамъ происходятъ заговоры, похищенія и революціи, а надъ ними на вершинахъ дикая и трагическая жизнь горцевъ, ихъ феноменальное суевѣріе и высокая трагедія заброшенныхъ среди нихъ нѣжныхъ и мистическихъ существъ.

Можно было бы сказать, что въ книгѣ недостаточно подробно развиты важнѣйшія музыкальныя ея темы, а именно романъ дочери лѣсничаго Ивлиты и разбойника Лаврентія, психологія котораго вообще какъ то мало извѣстна, зато какъ бы слишкомъ много вниманія отдано на окружающую ихъ баснословно-своеобразную жизнь, при чемъ ясно, что большинство обычаевъ, суевѣрій и нравовъ горцевъ выдуманы авторомъ. И весь его этнографическій духъ есть нѣкій художественный, талантливый пріемъ, напоминающій научность «будущей Евы» Виліе де Лиль

Адана, гдѣ Эдиссонъ изобрѣтаетъ механическую женщину. Этнографія взята здѣсь со своей чисто художественной стороны, какъ мистическая музыкальная тема или атмосфера, свободно развиваемая, какъ бы нѣкая обстановка сна. Нѣчто подобное сдѣлалъ въ свое время Эдгаръ По для науки объ океанахъ. Это иногда видимо, но описаніе горъ, а также перемена временъ года въ горахъ, паденіе ручьевъ и движеніе снѣговъ описаны тамъ со столь большимъ «восторгомъ» и изобразительной силой, что все вмѣстѣ создаетъ изъ этого романа, столь чуждаго «эмигрантщины», нѣчто близкое «извѣчнымъ вопросамъ», въ которые русская революція и ея переполохъ, не могли внести ровно никакого измѣненія. Романъ Ильязда своеобразнѣйшее произведеніе молодой литературы.

Б. Поплавскій

Л. Шестовъ. На вѣсахъ Іова. Изд. Совр. Записки. Парижъ 1929.

Левъ Шестовъ знакомъ и дорогъ намъ въ своемъ чрезвычайномъ привлекательномъ, особенно въ наши дни, образѣ — свободнаго искателя истины. Отвергнувъ сознательно академическую или научную философію (главный врагъ его жизни), онъ избралъ вольный и съ виду веселый путь «странствователя по душамъ», или (въ средневѣковомъ смыслѣ) «жонглера» мудрости. Но за легкимъ и пѣнистымъ его стилемъ, — какъ застольныя рѣчи древнихъ — все явственнѣе слышатся ноты глубокой серьезности. Мы даже склонны опасаться, какъ бы эта серьезность не уступила мѣсто фанатизму. Пока что, Левъ Шестовъ всего болѣе изъ нашихъ совре-

мешниковъ напоминаетъ свободнаго философа Греціи — онъ ксати такъ напосень цитатами и реминисценціями древнихъ. Такимъ хотѣлось бы видѣть любимаго его сердцу Протагора: недаромъ голова его просится на греческую герму.

Послѣдняя книга Л. Шестова посвящена той же темѣ, что и всѣ остальные его книги. Онъ человѣкъ одной мысли — признакъ подлинности, — и о чемъ бы ни говорилъ, всегда говорить объ одномъ и томъ же. Только большой литературный талантъ помогаетъ ему находить изъ года въ годъ, изъ книги въ книгу все новыя выраженія для своей единственной мысли.

Вотъ уже тридцать лѣтъ Л. Шестовъ ведетъ героическую борьбу съ разумомъ и добромъ (съ идеализмомъ), въ которыхъ видитъ самыхъ страшныхъ враговъ человѣческой свободы. За это время много воды утекло. Идеалистъ сталъ весьма рѣдкой породой, особенно въ Россіи — вродѣ зубровъ. Миръ становится вѣрующимъ — матеріалистическимъ въ большинствѣ своемъ, церковнымъ въ меньшинствѣ. Но идеалисты по-прежнему занимаютъ философскія кафедры въ Германіи, а нѣмецкія книги (Гуссерль) да старыя привычки заставляютъ Шестова все быть въ эту сторону, лицомъ къ противнику его юности. Время измѣнило и его самого. Ранѣе позволительно было видѣть въ немъ скептика, расшатывающаго устои идеальнаго міра ради чистой радости разрушенія. Теперь подлинная тревога и даже мука вырывается изъ-подъ острого пера. Онъ пишетъ *sub specie mortis*, и не боится открытъ передъ читателемъ послѣднюю, найденную имъ правду: «Въ Св. Писаніи есть Истина» (стр. 24).

Впрочемъ Л. Шестовъ никогда не сходитъ изъ Св. Писанія и пользуется мѣрами философовъ. Догматизмъ не сроденъ природѣ его мышленія. Онъ остается критикомъ и разрушителемъ до конца.

Для человѣка, который мучится въ оковахъ логики и больше всего ненавидитъ систему, единственный способъ хоть сколько-нибудь выразить себя — афоризмы, отрывочныя замѣтки, вродѣ «Мыслей» Паскаля или Розановскихъ записокъ на подошвѣ. Л. Шестовъ несравненный мастеръ философской миниатюры (какъ ученикъ Нитцше), и въ его новой книгѣ афоризмъ, «Дерзновение и покорность», представляетъ самую цѣнную и интересную часть. Ее никакъ нельзя упрекнуть въ однообразіи. Разбившій на мельчайшія брызги каскадъ даритъ читателя множествомъ остроумныхъ наблюдений, психологическихъ находокъ, побочныхъ вариантовъ основной темы. И, конечно, здѣсь среди блестящихъ парадоксовъ, найдется для всякаго не мало крупницъ истины.

Но каждый анархистъ нуждается въ авторитетахъ; Левъ Шестовъ давно уже, въ поискахъ союзниковъ для штурма міра идей, предпринималъ философскія набѣги на Шекспира, Нитцше, Толстого и Достоевскаго. Историческіе портреты или параллели — вторая, найденная имъ для себя форма. Въ этой книгѣ она представлена главами о Достоевскомъ и Толстомъ, съ одной стороны, о Спинозѣ, Паскалѣ и Плотинѣ — съ другой. Этой формой авторъ владѣетъ менѣе удачно. Главный недостатокъ его въ томъ, что онъ не можетъ говорить ни объ одномъ изъ своихъ любимцевъ, не сказавъ сразу обо всѣхъ — и при томъ всего, что ему въ нихъ нравится. Глава о Спинозѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ гла-

на о Плотинѣ и Паскалѣ и т. д. Можно было бы безъ затрудненія перемѣнить заглавія: передъ читателемъ пройдутъ все тѣ же вереницы цитатъ, лишь въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Читатель не стѣуетъ на повторенія, они помогаютъ ему запомнить эти золотыя цитаты, но дорожающій своимъ временемъ можетъ всегда обойтись одной главой.

Трудно сказать, насколько эти шестовскіе портреты соотвѣтствуютъ натурѣ. Главное искусство автора — въ чтеніи между строкъ. Онъ ловитъ намеки, прорвавшіяся признанія и по нимъ возстановливаетъ потаенный духовный міръ (Спинозы, Плотина). Всего безспорнѣе Паскаль. Но, разумѣется, никто не въ силахъ удовлетворить вполнѣ идеалу шестовской безпочвенности. У каждаго найдутся (еще бы!) компромиссы съ разумомъ или добромъ. За эти слабости Шестовъ горько обличаетъ своихъ любимцевъ. Герой «Записокъ изъ педполя» всего точнѣе выражаетъ идеалъ Шестовскаго свободнаго человѣка, но зато на долю Достоевскаго большихъ романовъ, а особенно «Дневника Писателя», приходится всего болѣе упрековъ въ морализмъ.

Не важно, впрочемъ, правильно ли Шестовъ толкуетъ Плотина. Интересенъ онъ самъ, который заставляетъ и Плотина и Достоевскаго выражать свою собственную мысль. Эта мысль звучитъ повсюду, во всѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчіяхъ ея, съ рѣдкимъ безстрашіемъ.

Шестовъ видитъ въ покорности передъ разумомъ величайшее несчастье человѣка. Рѣчь идетъ не только о томъ, чтобы указать границы науки, отдѣлить отъ науки философію, или о другихъ полезныхъ и давно признаваемыхъ необходимостяхъ. Нужно «отказаться отъ научнаго знанія, чтобы постичь Истину.

Истина и научное знаніе непримиримы» (стр. 79). Философію съ наукой нужно не мирить, а ссорить (стр. 313), «освободиться отъ научнаго толкованія» (стр. 119), въ результатѣ изначальнаго грѣхопаденія, которое, впрочемъ, въ томъ и состояло, что человѣкъ вкусилъ плоды познанія. Это основной мнѣ религій Шестова, и это почти все, что онъ беретъ изъ «Св. Писанія». Онъ отказывается отъ Евангелія Іоанна за то, что «въ началѣ было Слово» (стр. 247), и видитъ въ библейскомъ разсказѣ о рреченіи именъ животнымъ (до грѣхопаденія!) первое зло, которымъ «человѣкъ отрѣзалъ себя отъ всѣхъ истоковъ жизни» (стр. 201). Не болѣе импонируетъ Шестову и совѣсть. «Все, что запрещено разумомъ и совѣстью, намъ больше всего нужно» (стр. 296)

Всего дороже Шестову эта свобода отъ добра въ Богѣ, который представляется Шестову существомъ, абсолютно «капризнымъ», «какъ все живое», «страстнымъ» (стр. 185), «непостояннымъ и измѣнчивымъ» (стр. 16). «Богъ — воплощенный капризъ» (стр. 93). «Богъ хочетъ и можетъ обманывать людей» (это вслѣдъ за Паскалемъ) (стр. 238). «Предъ лицомъ Бога человѣкъ не защищенъ ничѣмъ, даже справедливостью» (стр. 285). «И потому, конечно, мы не знаемъ, что слѣдуетъ въ себѣ беречь для вѣчности, что искоренить» (стр. 210). На страшномъ судѣ, который является для Шестова вторымъ основнымъ мнѣемъ, никто не оправдается. «И вообще намъ, повидимому, не дано знать, чѣмъ можно смягчить его (судью) — есть всѣ основанія думать, что онъ беспощаденъ и неутомимъ въ своихъ приговорахъ» (стр. 128).

Было бы несправедливо требовать отъ Шестова послѣдовательности — онъ

самъ запрещаетъ ее себѣ. «Нужно ли чему-нибудь окончательно вѣрять?» (стр. 146). «И даже бытѣ Бога еще, быть можетъ, не рѣшено» (стр. 145). Не въ порядкѣ возраженія, а въ порядкѣ изображенія извилистой мысли Шестова, укажемъ ея основную двойственность. Прежде это была двойственность скептической и религіозной установки (не вполнѣ еще преодоленная). Теперь это двойственность въ ощущеніи метафизическаго міра: колебаніе между языческимъ раемъ и болѣе жестокимъ чистилищемъ. Порою Шестову кажется, что «Богъ ничего не требуетъ, Богъ только одаряетъ» (стр. 335). Шестову грезится «міръ мгновенныхъ, чудесныхъ и таинственныхъ превращеній» (стр. 160). «Можетъ быть, лучшее, самое нужное, не въ глубинѣ, а на поверхности, и не трудно, а легко». «Майя получаетъ вновь всѣ права» (стр. 218). Тогда нужно «разрѣшить страстямъ открыто дѣлать свое дѣло» (стр. 199) «возславить хаосъ» (стр. 215). Это Нитчшеанскій идеалъ «танца», «веселой науки». Въ настоящемъ мірѣ Шестова спасаетъ отъ роковыхъ необходимостей красота, лишенная всякой идеи, абсолютно индивидуальная, даже въ природѣ: та «вечерняя и утренняя звѣзда, которая, вопреки Плотину, выше справедливости.

И послѣ этого — вериги Паскаля, оправданіе аскетизма, безпощадный Богъ, созерцаніе смерти у Толстого — какъ путь къ освобожденію. На этомъ пути у Шестова четкая генеалогія вождей: апостолъ Павелъ, Тертуліанъ, Августинъ, Лютеръ, Паскаль, — знакомая іудео-реформаторская линия христіанства. Эллины съ іудеями борются въ душѣ Шестова, и видишь какъ слабѣютъ силы «смѣющагося философа»,

хотя улыбка его освѣщаетъ лучшія страницы книги.

Исходъ этой борьбы, кажется, зависитъ отъ того, какъ разрѣшится одинъ вопросъ, который читатель вправѣ поставить Шестову: за чью, собственно, свободу онъ ратуетъ — свободу человѣка или свободу Бога? Если человѣческое и божественное «Я» представляются какъ абсолютный капризъ, то нѣтъ никакихъ оснований для Завѣта между ними. Одно капризное «Я» всего вѣроятнѣе, уничтожить другое. При чудовищномъ неравенствѣ силъ, можетъ ли быть сомнѣніе въ исходѣ поединка? Богъ Шестова, пока что, весьма мало напоминаетъ Бога Израилева: скорѣе всего Вицилипуцли мексиканскаго пантеона. Это именно Шестовъ, а не только Спиноза, безсознательно утверждаетъ, какъ основной свой догматъ: «Разумъ и воля Бога имѣютъ столько же общаго съ разумомъ и волей человѣка, сколько созвѣздіе Пса съ псомъ, лающимъ животнымъ». И основное недоумѣніе, вызываемое книгой Шестова, связано съ именемъ Юва. Какъ можетъ Шестовъ ставить свою борьбу подъ знакъ Юва, который ведетъ великій споръ съ Богомъ во имя справедливости?

Отрекаясь отъ справедливости, Шестовъ неминуемо долженъ предать свободу человѣка. Что онъ и дѣлаетъ уже, отрицая вслѣдъ за Лютеромъ, свободу человѣческой воли: «Свободная воля у Бога и только у Бога». Нельзя «вручить смертному и ограниченному существу такое безцѣнное сокровище» (стр. 192). Что дѣло не можетъ ограничиться метафизическимъ отрицаніемъ свободы, показывается слѣдующій гимнъ «анаемѣ». «Врагъ (разумъ) ленокъ, искусень, жестокъ и бдителенъ. Поддашься ему — всему конецъ... Нужны не доводы и лю-

боявая готовность къ примиренію, а удары и крайняя степень вражды и ненависти. Такъ выковалось страшное оружіе средневѣковья: Anathema sit. Пятнадцать вѣковъ защищали имъ люди то, что имъ было дороже всего. Теперь оно обветшало, имъ уже нельзя больше пользоваться. Чѣмъ замѣнить его? Именно дѣло Достоевскаго и Августина погубило въ тотъ день, когда Anathema sit выпало изъ ихъ рукъ?».

Когда читаешь эти строки, то видишь, что только страшный индивидуализмъ Шестова, его полная незаинтересованность въ спасеніи людей мѣшаетъ ему защищать костры. Чуть-чуть побольше любви, и Шестовъ превратится въ инквизитора.

Правда, для этого нужна еще одна малость: обладать положительной религіей. Шестовъ еще отталкивается отъ всѣхъ церквей. Не даромъ, однако, онъ заканчиваетъ свои «Дерзновенія» такимъ очень вѣрнымъ наблюдениемъ: «Человѣкъ въ своей жизни переходитъ много разъ отъ дерзновенія къ покорности. Но, подъ конецъ, обычно покоряется». Великое счастье, что добровольная изоляція Шестова, лишаетъ его слова вполне сознательной дѣйствительности. Съ того момента, когда онъ сможетъ произнести Credo, мы предвидимъ, что онъ будетъ сразу же причисленъ къ святымъ отцамъ въ самомъ вліятельномъ лагерѣ русской религіозной мысли. Быть предтечей инквизиторовъ — въ этомъ, по-видимому, историческое предназначеніе Шестова — рыцаря свободы. Такова, впрочемъ, судьба, всякаго анархизма — утвердить тиранію. Сознаніе трагической ироніи своей судьбы, быть можетъ, и дало Шестову разгадку иронической судьбы Спинозы: еврея, который воз-

любилъ Бога всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ своимъ, и былъ посланъ на землю для того, чтобы убить Бога.

Г. Федотовъ

N. Evreinoff. Le théâtre dans la vie. Libr. Stock. 1930.

«Имя моего бога — Театраркъ. Я простираюсь передъ его святымъ образомъ и молюсь ему съ сердцемъ, трепещущимъ отъ любви и съ душой, полной мистическаго вдохновенія».

Таково начало длиннаго, патетическаго — нѣсколько сумбурнаго — символа вѣры, которымъ Евреиновъ заканчиваетъ «теоретическую» часть своей книги, и въ которомъ своеобразно соединены полупантеизмъ, вѣра въ перевоплощеніе и вѣра въ «бога Театрарка».

Въ самомъ началѣ своей книги Евреиновъ намъ сообщаетъ, что онъ открылъ фундаментальную вещь, мимо которой, не замѣчая ее, прошли всѣ ученые, историкки и психологи всѣхъ временъ. Съ этимъ открытиемъ, по тому значенію, какое оно пріобрѣтаетъ для пониманія жизни и природы, можетъ сравниться только открытіе электричества, — и тутъ-же намъ, кстати, рассказывается, кѣмъ и когда было найдено электричество, путемъ тренія янтара о шерсть...

Что-же это за открытіе? — Евреиновъ открылъ, что во всей природѣ, и, конечно, больше всего въ вѣнцѣ природы — человѣкѣ, заложены т. н. театральныя инстинкты, который есть стремленіе быть «иннымъ», совершать поступки «отличныя» отъ обыкновенныхъ, создавать настроеніе, «противо-